

Тан Сяоу вспомнил, как шёл по той тёмной усадьбе в холодном ветру, вошёл в тёплую комнату и действительно почувствовал тонкий, древний, необычный аромат. Как бы много он ни повидал, он не мог определить, что это было за благовоние. Неужели и вправду яд?

Он растерянно покачал головой, схватил руку Бай Иньфэна и прижал её к своему готовому к бою, твёрдому возбуждённому члену.

Бай Иньфэн почувствовал, что место, которого коснулись его пальцы, было обжигающе горячим и твёрдым, словно раскалённый железный прут, и его размер, казалось, превышал все его представления. Он в испуге рванул руку из ладони Тан Сяоу, глаза его слегка расширились, глядя на нижнюю часть тела Тан Сяоу. Там уже образовалась заметная выпуклость.

В годы невинной юности они мылись вместе, и Бай Иньфэн тоже видел, что у Тан Сяоу внизу, смутно помня, что разница с его собственным была невелика. Почему же оно превратилось в такого гигантского монстра?

— Как оно так изменилось? Пойти принести холодной воды, облить? — У Бай Иньфэна тоже бывали подобные ситуации, но после изнурительных тренировок всё само проходило, в крайнем случае, можно было окатиться холодной водой.

Тан Сяоу покачал головой:

— Бесполезно. С тех пор как вернулся, оно такое. Сильно опухло, и с каждым разом всё невыносимее, кажется, вот-вот лопнет.

Бай Иньфэн тревожно спросил:

— Может, отвести тебя в бордель, найти девушку?

— Я не могу прикасаться к женщинам, от тошнит, — Тан Сяоу горько усмехнулся. — А Фэн, я, кажется... умираю. Не думал, что в такой момент ты будешь рядом со мной, я очень рад.

Конечно, Тан Сяоу был далёк от смерти. Чжун Сюй говорила ему, что для носителя родословной Долины Вечной Жизни, после утраты изначального ян, высвобождаются демонические помыслы сердца, заставляющие считать все ограничения и запреты ничтожными и жить лишь для удовлетворения телесных желаний.

Он прожил все девятнадцать лет крайне осторожно, желая отдать своё изначальное ян тому единственному, кого будет ценить всю жизнь, а затем быть неразлучным день ото дня, чтобы демонические помыслы не влияли на него.

Он думал, что у них с Юнь Тао всё сложится, но не ожидал, что на следующий день Юнь Тао уйдёт. Он не успел деликатно объяснить ему свою конституцию, как Юнь Тао исчез без прощания, не подавая вестей семь дней.

Среди полного раскаяния в душе была и растерянность: его разум, в сущности, оставался ясен, не таким безумным, как описывала мать.

То мгновенное наслаждение заставило его почувствовать, что это и есть предел человеческого блаженства. Словно человек, родившийся и выросший в тюрьме, однажды вдруг оказывается на свободе. Он ощущает новизну и радость, но при этом чувствует, что всё увиденное и услышанное вполне естественно.

Что за демонические помыслы? Никаких демонических помыслов! Просто он открыл для себя другой безграничный мир.

Он понял, что имел в виду отец перед смертью, сказав «сто́ит того». Отец не врал, и его предки не вдали: прожить всю жизнь, не познав страсти, — даже обладая вечной жизнью, какой в этом смысл?

Мать, хоть и из Долины Вечной Жизни, не имела её родословной и не была мужчиной, поэтому этого не знала.

Такое радостное дело, конечно, нужно разделить с лучшим другом, к тому же близость с носителем родословной Долины Вечной Жизни приносит огромную пользу.

Единственная сложность заключалась в том, что Бай Иньфэн думал так же, как и он раньше, — не желал легко переступить эту грань.

И действительно, как только Бай Иньфэн услышал, что тот умирает, его сердце сжалось от боли ещё сильнее, и он крепко обнял его:

— А У, ты не умрёшь! Скажи, что нужно сделать, чтобы спасти тебя! Ты же наверняка знаешь, да?

Тан Сяоу припал к нему, его левая ладонь лежала на правой груди Бай Иньфэна.

Он поднял голову, собираясь что-то сказать, но осознал, что именно он ощупывает. Под одеждой упругая и крепкая текстура, ощущалась даже лучше, чем он представлял. Его разум мгновенно опустел, и он не мог вымолвить ни слова.

Это... что это?

Бай Иньфэн же ошибочно решил, что тому уже совсем плохо, обнял его, сердце разрываясь от боли:

— А У!

Тан Сяоу понял, что больше тянуть нельзя, а то Бай Иньфэн купит ему гроб. Поспешно собравшись с мыслями, он сказал:

— Должен быть способ, только...

— Только что? Говори быстрее!

— Только тебе придётся поступиться собой.

— Лишь бы ты остался жив, какая уж там жертва? — Бай Иньфэн не колебался ни секунды.

— Думаю, если бы получилось извергнуть, то стало бы легче. Но у меня самого не получается, можешь... можешь помочь мне с этим?

Бай Иньфэн опешил:

— Да в чём сложность? Просто если у тебя не выходит, то я и подавно не умею!

— Я научу, — Тан Сяоу с неохотой убрал руку с его торса, взял его руку и приложил к своему

желанию.

Когда это распухшее от боли место коснулась ладонь, покрытая мозолями от меча, Тан Сяоу едва заметно вздрогнул.

На этот раз Бай Иньфэн не испугался. Хотя ему было немного неловко, он не стал раздумывать, а лишь сосредоточенно наблюдал за движениями Тан Сяоу, надеясь лучше ему помочь.

А о том, может ли Тан Сяоу его подставить, он даже не задумывался. За столько лет знакомства Тан Сяоу всегда был надёжным.

Насильно притянутая ладонь оставалась деревянной, и хотя ощущения радовали Тан Сяоу, каждое движение контролировалось им самим, так что особой разницы с тем, если бы он делал это сам, не было, и даже становилось ещё невыносимее.

Раньше, потираясь об одеяло, можно было немного облегчить состояние, а теперь всё тело охватило беспокойство и нетерпение. Он не мог не бросить на Бай Иньфэна полный жажды взгляд.

— Кажется, не получается, ещё хуже.

— Что же тогда делать?

Да, именно такой ответ ему и был нужен. Тан Сяоу внутренне обрадовался, подавив чувство вины за совращение брата, и мысленно прошептал: Брат, всё это для твоего же блага!

Он снова, тем же плачущим тоном, каким встретил Бай Иньфэна при открытии двери, сказал:

— А Фэн! Дай мне потереться о тебя, прошу тебя!

Бай Иньфэн видел его жалкий, но не лишённый красоты вид, вызывающий сострадание, и хотя эта просьба казалась ему несколько чрезмерной, ему было жаль видеть друга в таких муках. Поэтому он сказал:

— Потереться можно, но...

— Но что?

— Но только не сердись, если я рассмеюсь, — пояснил Бай Иньфэн. — Это и вправду немного необычно, наверное, запомню на всю жизнь.

Не объясняй он — было бы лучше, а так, как только он это сказал, у Тан Сяоу внутри всё вскипело. Он подумал со злостью: Сейчас я сделаю так, что ты это запомнишь навеки!

Нежным голосом он сказал:

— Тогда раздевайся.

— Что раздевать?

— Штаны же! У меня кожа такая тонкая, а твоя ткань выглядит грубой, вдруг я сотру её до крови?

Этот естественный тон не оставил Бай Иньфэну места для сомнений. Может, он мало что

видел, но, возможно, братья и вправду могут так помогать друг другу.

Он опустил голову, развязал пояс и стянул штаны.

Тан Сяоу смотрел, как из-под штанов появляются две прямые длинные ноги, с гладкой кожей и ровными мышцами, и невольно затаил дыхание.

Это же... это просто несправедливо, как же его брат так вырос!

Бай Иньфэн, видя, что тот не двигается, засомневался:

— Что такое?

— Ничего, — Тан Сяоу сделал безразличный вид. — Раздеваться только до пояса — разве не странно? Давай разденемся полностью!

— Нельзя, прохладно. Давай быстрее закончим, посмотрим, решит ли это проблему, если нет — придумаем что-нибудь ещё.

Бай Иньфэн, хотя на нём было всего два слоя одежды и раздеваться было не холодно, всё же чувствовал, что атмосфера стала какой-то неловкой, отчего его щёки слегка запылали.

Тан Сяоу заметил неестественный взгляд Бай Иньфэна и понял, что нельзя требовать слишком многого за один раз. В душе он немного сожалел, но на словах сказал:

— Главное, чтобы тебе не было странно.

Тан Сяоу сбросил одежду, обнажив стройное белое тело. Рельеф мышц был не слишком выражен, но не было ни единого изъяна, даже маленькой родинки.

Возбуждение в нижней части тела было на пределе. Он сжал бёдра Бай Иньфэна, втиснул между ними своё желание и велел ему сомкнуть ноги покрепче.

И только в этот момент Бай Иньфэн осознал, что в такой ситуации смеяться невозможно.

Тан Сяоу прижимал его тело, взгляд его был настойчивым до неотразимости. Его член был слишком твёрдым, и уже через несколько движений Бай Иньфэн почувствовал, как внутренняя сторона бёдер загорелась от боли.

По сравнению со страданиями Тан Сяоу, эта боль казалась ему терпимой, поэтому он молча отвернулся, стиснув зубы.

Неизвестно, сколько времени прошло. Бай Иньфэн почувствовал, что кожа на внутренней стороне бёдер стала слегка влажной, и Тан Сяоу остановился.

Он, будто получив помилование, взглянул на Тан Сяоу и спросил:

— Всё, можно?

Но увидел, что нижняя часть тела Тан Сяоу не особо изменилась, лишь кончик стал влажным. А тот как раз вытирал эту влагу о задний проход Бай Иньфэна, приговаривая себе под нос:

— Нельзя же растрачивать понапрасну.

<http://bllate.org/book/15610/1393565>